

Категории «Wahrheitspflicht» и «Luegenverbot» как блеск и нищета германского гражданского процесса: опыт сравнительно-правового исследования

Научный руководитель – Кудрявцева Елена Васильевна

Гуледза Александр Андреевич

Студент (бакалавр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Юридический факультет, Кафедра гражданского права, Москва, Россия

E-mail: a.guledza@mail.ru

В рамках настоящей работы нами ставилась цель сравнение развития двух правопорядков в их историко-сравнительной плоскости института «запрета лжи». И Устав гражданского судопроизводства от 1864 года (УГС), Германское гражданское уложение (ГПУ) в своей первоначальной редакции от 1877 года не содержали «запрета на ложь» в объяснениях сторон и корреспондирующей ему санкции. Однако в настоящее время ГПУ прямо закрепляет как обязанность сторон сообщать на процессе только правдивую информацию («Die Parteien haben ihre Erklärungen über tatsächliche Umstände vollständig und *der Wahrheit gemäß* abzugeben», § 138 Abs. 1 ZPO).

Вопрос допустимости «лжи» в гражданском процессе связан с вопросом идеологии процесса и пониманием принципа состязательности (*Verhandlungsmaxime*), последний очень по-разному понимался в либерально-буржуазном процессе первой редакции ГПУ, национал-социалистической трактовке гражданского процесса, послевоенной Германии с ее обновленной интерпретацией состязательности в виде «кооперативной модели» (Wassermann, 1978, р. 1-30). История российского гражданского процесса также знает несколько этапов развития принципа состязательности от либеральной модели УГС через советские процессуальные кодексы, где он сочетался с активной ролью суда, как общим правилом, до современных кодексов с частичным возвращением к модели УГС. Однако ни АПК, ни ГПК, ни КАС не содержат прямой нормы о запрете лжи в процессе. В связи с этим целью нашей работы является обзорное видение основных этапов развития закона, судебной практики, доктрины по данному вопросу.

Первоначальный текст ГПУ не содержал упомянутой выше нормы, поэтому ряд ученых как по соображениям позитивизма (нет упоминания в законе), так исходя из принципа состязательности, который воспринимался как одно целое с принципом диспозитивности, считали, что в процессе нет обязанности для сторон говорить правду (Schmidt, 1906; Canstein, 1877; Wach, 1879, р. 218). При этом еще до введения такой обязанности были авторы, выступающие за ее введение (Goldschmidt, 1925, р. 78; von Hippel, 1939; Wildermuth, 1938, р. 34).

Однако после внедрения обязанности говорить правду в 1933 году (*Gesetz zur Änderung von Vorschriften des bürgerlichen Rechts und des Zivilprozessrechts vom 27. Oktober 1933*) немецкая правовая мысль и процессуальная доктрина начала процесс осмысления. Одним из вопросов, с которым столкнулась судебная практика и доктрина — как соотносится обязанность говорить правду и основания для отзыва признания (можно ли отозвать признание в отношении заведомо недостоверных фактов) (Rosenberg, 1968; Stürner, 1976; Gottwald, 1979; Prütting, 1983).

Касательно истории развития этого вопроса стоит отметить, что уже накануне и после революции 1917 года заявлялись мнения о необходимости ввести запрет лжи в гражданском процессе (Тимашев, 1935; Гедда, 1910, р. 196; Бугаевский, 1909).

В советской процессуальной доктрине, фундаментально основанной на принципе объективной истины, тезис о существовании у сторон «права на ложь» категорически отвергался. Ученые исходили из того, что бессмысленно говорить о праве на ложь, поскольку советский суд не только обязан, но и наделен действенными средствами для установления действительных взаимоотношений сторон, что исключало какое-либо «мнимое бессилие» суда перед не соответствующими действительности сообщениями. Эта позиция подкреплялась ссылками на моральную обязанность сторон говорить правду и на наличие в законе санкций (например, примечание 2 к ст. 46 ГПК РСФСР), которые рассматривались как обеспечение этой юридической обязанности. Хотя уголовная ответственность для сторон отсутствовала, это объяснялось не признанием права на ложь, а опасением, что такая санкция может отпугнуть граждан от обращения к правосудию из-за боязни быть обвиненными в лжесвидетельстве при недостаточной доказанности их слов. Более того, ложные показания рассматривались не просто как этический проступок, а как действие, имеющее определенное доказательственное значение — они могли быть использованы судом в качестве косвенного доказательства, свидетельствующего против стороны, их давшей (Курылев, 1956).

Современная российская процессуальная доктрина однозначно отрицает существование какого-либо «права на ложь» в гражданском и арбитражном процессе. Ведущие ученые сходятся во мнении, что ложь объективно противостоит задачам правосудия, искажает принцип состязательности и подрывает авторитет судебной власти (Молчанов, 2014; Султанов, 2019; Султанов, 2020; Юдин, 2006; Афанасьев, 2020). В доктрине преобладает подход, рассматривающий ложь как форму процессуального злоупотребления, которая должна влечь негативные последствия для недобросовестной стороны.

Источники и литература

- 1) Афанасьев, С.Ф. (2020) 'О праве на ложь в цивилистическом процессе и способах его нивелирования (в том числе с учетом электронных технологий)', Юрист, № 1, pp. 22-28.
- 2) Бугаевский, А.А. (1909) 'Ложь в гражданском суде', Право.
- 3) Гедда, А.Н. (1910) 'Недобросовестность сторон в гражданском процессе. (Заметки из судебной практики)', Журнал Министерства юстиции, № 1
- 4) Курылев, С.В. (1956) Объяснения сторон как доказательство в советском гражданском процессе. Москва: Госюриздат.
- 5) Молчанов, В.В. (2014) 'Состязательная форма судопроизводства и достоверность доказательств', Арбитражный и гражданский процесс, № 12.
- 6) Султанов, А.Р. (2019) 'Последствия лжи в процессе и материальном праве', Вестник гражданского процесса, № 5, pp. 230-262.
- 7) Султанов, А.Р. (2019) 'Ложь, добросовестность в гражданском праве и процессе', Евразийская адвокатура, № 5(42), pp. 62-66.
- 8) Султанов, А.Р. (2020) 'Умышленное искажение обстоятельств дела стороной в цивилистическом процессе: юридические последствия и способы пресечения', Журнал российского права, № 12, pp. 135-146.
- 9) Тимашев, Н.С. (1935) 'Право на ложь в гражданском процессе', Вестник Русского Юридического Общества, № 5 (55), pp. 1970-1974; № 6 (56), pp. 2015-2018.
- 10) Юдин, А.В. (2006) 'Имеют ли стороны право на "ложь" в гражданском процессе?', Российская юстиция, № 6, pp. 32-34.

- 11) Canstein, V. von (1877) Die rationellen Grundlagen des Civilprozesses. Leipzig: Duncker & Humblot.
- 12) Goldschmidt, J. (1925) Der Prozeß als Rechtslage. Berlin: Liebmann.
- 13) Gottwald, P. (1979) 'Zur Aufklärungspflicht der Parteien im Zivilprozeß', Zeitschrift für Zivilprozeß, Bd. 92, pp. 364-389.
- 14) Prütting, H. (1983) Gegenwartsprobleme der Beweislast. München: Beck.
- 15) Rosenberg, L. (1968) Lehrbuch des Deutschen Zivilprozeßrechts. 10. Aufl. München: Beck.
- 16) Schmidt, R. (1906) Lehrbuch des deutschen Zivilprozessrechts. 2. Aufl. Leipzig.
- 17) Stürner, R. (1976) Die Aufklärungspflicht der Parteien des Zivilprozesses. Tübingen: Mohr Siebeck.
- 18) von Hippel, F. (1939) Wahrheitspflicht und Aufklärungspflicht der Parteien im Zivilprozeß. Tübingen: Mohr.
- 19) Wach, A. (1879) Vorträge über die Reichs-Civilprozessordnung. Bonn.
- 20) Wassermann, R. (1978) Der soziale Zivilprozeß: Zur Theorie und Praxis des Zivilprozesses im sozialen Rechtsstaat. Demokratie und Rechtsstaat, Bd. 37, Luchterhand.
- 21) Wildermuth, E. (1938) Die Wahrheitspflicht der Parteien im Zivilprozess. Düsseldorf: G.H. Nolte.
- 22) Gesetz zur Änderung von Vorschriften des bürgerlichen Rechts und des Zivilprozessrechts vom 27. Oktober 1933 (RGBl. I S. 777).